

天狗

ПРОЛОГ

НА КРАЮ МИРА ДЕМОНОВ

— Э тот никчемный уничтожил всех, кого любил, и самого себя. Он не был достоин всех благ, которые ему уготовила судьба: родиться наследником северных земель, стать предзнаменованием и надеждой для своего народа, быть обладателем завидного здоровья и духовной мощи для свершения благих дел... Все воспевали его славу, не зная, в какого эгоистичного и неблагодарного пса в итоге он вырастет. Серебряные волосы стали излюбленным объектом художников, а спина тигра и поясница медведя¹ — скульпторов. Глаза цвета черного озера многократно описывались в поэтичных письменах. А имя Чан, дарованное родителями, среди гордого народа Севера обрело куда большее значение: его принялись писать на амулетах и вешать детям на шею как оберег от злых духов.

¹ Метафора, описывающая сильного, крупного и здорового мужчину.

И зря — этот пес не заслуживал таких почестей. Судьба даровала ему еще кое-что, самое важное, из-за чего люди с особой верой уповали на него. Появление наследника Севера на свет выпало в самый протяженный год Собаки, в холодную ночь, когда созвездие — хранитель благосостояния, именуемое Гоу¹ — было ярчайшим на небе. Ученые мужи, изучающие небосвод, едва не сошли с ума от открытия. Желая разделить эмоции, они хватали друг друга за плечи и восклицали: «Ах-ах! Это же счастливое предвестье для нас, друг мой». Так, с благой вестью они всей гурьбой поднялись к поместью правящего на Севере дома, где только что родился сын. И там увидели четырех стариков-летописцев, подтвердивших их радости: пожилые люди также пришли сообщить всем, что наследника в будущем ждет вознесение. «Этот У Чан станет небесным покровителем своего народа!» — произнесли они. Все знаки сходились, поскольку мальчик появился на свет в клане, где волк — преданный пес горной местности — являлся фамильным символом. И все же младенца уже с первых минут что-то не устраивало в своей участи. Он так громко плакал, что женщины в столице Тяньцзинь² заливались слезами вместе с ним, никто и ничто не могло его успокоить, даже тепло родной матери. Удалось это лишь вожаку волчьей стаи, который однажды, не выдержав плача ребенка, пришел к нему в спальню и улегся рядом, — молодой рассказчик прервался и уточнил: — Извините меня, что-то я много говорю. Уважаемый действительно хочет знать эту историю, к тому же в таких подробностях?

Говорящий молодой человек в самом расцвете сил сидел за маленьким столиком в разваливающейся лачуге на окраине мира демонов. Его крепкое от природы тело было облачено в одеяния черного цвета. На вороте и рукавах красовались вышитые золотые узоры извивающегося чешуйчатого зверя. Наручи блестели новизной, а широкий пояс изящно подчер-

¹ Созвездие, состоящее из семи звезд, которое в Древнем Китае называлось «Собака».

² Тяньцзинь [天津] — «небесная переправа».

кивал его стройную талию. Волосы, как лунный свет в ночи, колыхнулись, когда он опустил голову в ожидании ответа. По другую сторону стола раздался бархатный голос:

— Молодому господину нужна помощь, иначе зачем еще приходиться в этот нечестивый мир? Но все же я должен знать причины вашей печали, потому что не смыслю, чего вы хотите от меня — демона.

Напротив сидел мужчина, закутанный в лохмотья наподобие мантии, из-под широких рукавов которой виднелись лишь тонкие кисти рук. Судя по мягкости его голоса, возрастом он был не сильно старше своего собеседника. Возможно, на семь-десять лет. Однако его лицо скрывала тень капюшона, который он набросил при госте, так что определить, сколько ему было, не представлялось возможным. Внимая рассказу, мужчина подшивал маленькую тряпичную куклу. И длинные пальцы, в которых нервно подрагивала игла, не были предназначены для такого труда. В подобных изящных руках отлично смотрелось бы благородное оружие из ледяной стали или музыкальный инструмент с пятью-семью струнами.

Молодой господин продолжил:

— Кхм... Этого мальчика матушка государыня не тешила своей любовью, и чуть погодя она нашла ему наставника из далеких мест, на которого взвалили воспитание сына. Никто не знал и не слышал об этом мужчине, но весь его вид говорил: этот мастер вырастит достойного наследника клана, который прославится среди бессмертных. Отец редко появлялся в родных краях. Он всю свою жизнь посвятил народу и правлению и интересовался достижениями сына, лишь когда тот совершал что-то невероятное для своего юного возраста. Именно поэтому наследник клана всегда в шутку обронял: «Мой отец — вожак стаи!» — подразумевая именно того волка, что стал для него настоящей семьей. Как я уже говорил, молодого господина с рождения готовили к вознесению, и этого он никак не мог принять. Он не стремился стать служителем Небес. Если бы не его наставник, под чьим крылом он вырос... Ох, ведь когда-то мальчик поистине души не чаял в своем учителе...

Тем временем демон напротив бережно продолжал наносить стежки. Все его движения были неумелыми и опасными — игла так и норовила уколоть палец. Поймав себя на том, что более он не может совладать с руками, демон поднял куклу к свету и посмотрел на нее: старая ткань, оставшаяся от мешка из-под рисовой муки, две черные пуговицы вместо глаз и красные нити, прошитые по всему тряпичному тельцу. Он поинтересовался:

— Учитель был столь несправедлив к наследнику, из-за чего тот разочаровался в нем?

— Нет же! — взволнованно ответил рассказчик, и его пальцы вцепились в черный покров одежд на груди. — Учитель любил мальчика, но по-своему. Что бы этот маленький господин по своей глупости ни выкинул, наставник приходил к нему на выручку, учил его правильно держать меч, обучал письму и грамоте — всему, что знал сам. Внимание уделял и манерам, однако господин У все равно вырос упертым и непочтительным. Проблемой был именно ученик. Учитель, несомненно, жалеет, что когда-то взялся за его воспитание. Он готов был отдать жизнь, понести наказание за каждую оплошность наследника, стерпеть бесчисленное количество плетей — все, чтобы тот не сошел с правильного пути. А этот никчемный пес перечеркнул и его труды, и репутацию. Такой ученик не заслуживает прощения и уж тем более помощи. Но он раскаивается за то, какую цену учитель заплатил, и хочет помочь ему... — сребровласый господин облокотился на старенький столик и прикрыл лицо ладонями. — Он хочет все исправить и вернуть его...

У живущего на окраине мира демонов в ветхой постройке, слабо напоминающей домик, и сомнений не появилось, что объявившийся на пороге и есть тот самый ученик, о котором ведется рассказ. Вот только зачем он явился, к тому же в божественном обличье? Холодная аура этого бессмертного неистово давила на собеседника всей своей мощью. По пустующему, заросшему паутиной помещению в одну комнату, что служила хозяину и спальней, и кухней, было видно, что этот демон беден. И раз у него нет средств для поддержания собственного жилища, то он явно не оказывает никаких услуг внезапно

объявлявшимся гостям, если только милость бескорыстного слушателя. Небожитель так резко заявился к нему, что он даже не успел поинтересоваться зачем. К счастью гостя, скрывающий свой лик под капюшоном оказался вполне добродушным и гостеприимным хозяином: он впустил опечаленного господина внутрь и даже предложил ему воды, вот только тот не нуждался ни в каких почестях.

Демон отложил толстую иголку, которой шивал тканевое тельце, и, не поднимая взора, направился к деревянной полке, украшенной маленькими куколками одна страшнее другой. Его тонкий силуэт замер спиной к собеседнику. Демону явно не доставало швейного мастерства, ведь каждая игрушка была олицетворением страданий. У одной глазки смотрели в разные стороны, а два стежка над ними, напоминающие брови, были приподняты, отчего казалось, что куклолка вот-вот заплачет. У второй тряпичная ручка была сделана из красной ткани и выглядела из-за этого как освежеванная. Третья и последующие вместе с той, что демон поместил на полку, были вовсе недоделанные, словно мастер, пытаясь скорее завершить работу, каждый раз сдавался и возвращал куклы обратно.

Посмотрев на своих грустных и страшных кукол, мужчина постоял несколько секунд в молчании, а затем не оборачиваясь произнес:

— Я ничем не могу помочь. Вам следует вернуться, пока небесные чиновники не прознали, где именно вы находитесь.

По помещению тут же пронесся грохот: небожитель вскочил на ноги, и стул под ним рухнул на пол. Глотая слова от волнения, он разразился:

— Этот достопочтенный так долго искал вас! А вы так просто просите его уйти? — среброволосый небожитель вдруг ни с того ни с сего ударил ладонями по столу, из-за чего спина демона дрогнула.

— Мне жаль, — тихо прозвучал его голос.

— Вы... — небожитель обошел стол стороной, и его тень нависла над демоном. — В детстве учитель поведал мне историю, как две непохожие друг на друга души встретились

у большого персикового дерева. Один служил Небесам, второй миру демонов. Грядущее было предопределено, и никто не имел права вмешиваться в планы судьбы, даже время. Но живущие наверху были ослеплены верой в свое могущество. Глупо полагать, что, прознав о встрече, они бы не разгневались. Судьбы этих двоих стали примером: не каждый, покривший энергию инь, — тигр, а восседающий под солнцем и его энергией ян — дракон¹. Из-за вмешательства старых богов пострадали невинные. Первый день окончания зимы, обожаемый смертными праздник, превратился в бедствие. На головы людей обрушилась кара: небесные светила отгородили богов от смертных, затопили Поднебесную водами от проливных весенних дождей, и белые тучи надолго лишили землю солнца. Границы городов, многочисленные храмы, дороги — почти все, что с огромным трудом было создано людьми, — смыло. Небесных чиновников охватила паника, все они старались хоть что-то предпринять, явиться к страдающим на помощь. Но стало поздно, и люди узнали правду: они понесли наказание за ошибку богов, которые обманули и убили того демона, вонзив стрелу Света в его сердце. Бессмертные, у которых просят защиту, сотворили самое ужасное — разрушили душу, открыто бросив вызов судьбе...

— Зачем мне эта история? — пробормотал демон, сильнее натягивая на лицо капюшон.

— До этого я рассказывал историю о судьбе неблагодарного пса. Ему было суждено вознестись, но он всячески сопротивлялся. Он был ослеплен и не видел, какую боль этим приносит окружающим. Был охвачен страхом потерять то земное, чем дорожил сильнее всего. Совершал ужасные и непоправимые поступки, стараясь удерживать и контролировать чужие

¹ В древние времена инь и ян порой изображались в виде сражающихся тигра, символизирующего темные силы, и дракона — символа светлых. Концепция противоборства сторон является фундаментальной моделью всего сущего и раскрывает два положения, объясняющих природу Дао (Путь): «Всё постоянно меняется», «Одна противоположность не может существовать без второй».

жизни. И если бы не его учитель, он бы так и остался брошенной у дороги собакой, которую все боятся подпустить к себе. Только предначертанный судьбой путь оказался верным. Перестав противиться, он наконец открыл глаза на истину — его страх оказался самым большим обманом в жизни, — рука небожителя коснулась плеча демона, но тот отшатнулся.

— Вы же понимаете, что эти две истории похожи? — мягко продолжил небожитель, спрятав ладонь. — Тогда боги ошиблись, нет ничего сильнее судьбы. Из-за их поступка пострадали не только смертные, тот бог также! Он взывал ко всеобщему пониманию, но верхний мир уже был против него. Он разочаровался их поступком, из-за чего чуть не потопил людей из-за горя от утраты.

Выражение лица, которое все время скрывала тень капюшона, резко переменилось. Демон до этого безучастно слушал молодого господина, но сейчас в разговоре что-то задело его. Он с раздражением заметил, возвратившись к столу:

— Простая выдумка, которой взрослые пугают непослушных детей. Вы и сами должны осознавать, что история о первых весенних ливнях никак не связана с вами. А ваш учитель поистине безрассудный человек, что поведал вам ее.

Демон потянулся за иглой, но ему преградили путь, накрыв острый инструмент ладонью. Небожитель дернул демона за запястье на себя и устремил на него налитые кровью глаза цвета безлунной ночи.

— Я не такой, как тот бог из народной выдумки, — прохрипел его низкий голос. — Стать снова никчемным, неблагодарным псом, чтобы свергнуть Небеса, для меня не составит большого труда! — Его рука с силой сжала иглу на столе. — Кровь за кровь — так говорят в моих краях. Я бы забрал с собой каждого и утащил на самое дно бездны, чтобы придать их восемнадцати кругам пыток!¹

¹ Концепция восемнадцати уровней Диюя (царства мертвых), где грешные души чувствуют боль и муки, но «умереть» от мучений, наказаний и пыток не могут.

Молодой господин вдруг рассвирепел, как зверь. Его глаза блестели неутолимой жадной крови. Игла под давлением прогнулась и, словно крича от боли, заскрипела. Демон, не совершая попытки вырвать свою руку из плена, хладнокровно изрек:

— Каждый совершает ошибки. Верно, они не вправе были вершить суд над тем демоном, но, как и мы с вами, уважаемый господин У Чан, тоже. Будучи небожителем, вы, как никто другой, должны уметь прощать и наставлять других на правильный путь, а не уподобляться скверным примерам.

Слова демона задели небожителя: кто он такой, этот демон, чтобы учить его? Молодой человек опустил голову, и волосы, собранные в высокий хвост, скатились по плечу, как вода. Его пальцы побледнели и задрожали от напряжения. Словно желая убить, уничтожить металлический инструмент, дабы от него ничего не осталось, как и от переполняющего душу гнева, он посильнее сжал руку.

— Став... — запнувшись и немного помолчав, заговорил он вновь, — небожителем, я хотел бы делать так, как мне твердил учитель: поступать по чести, прощать и не держать обид... Но только если это касается меня. Учитель все время нес тяжелую ношу, а я со своим дурным характером лишь добавлял ему проблем. Я был так слеп, что теперь меня тошнит от самого себя!

Он поднял голову, чтобы увидеть в лице стоявшего перед ним плененного демона хотя бы каплю сострадания к себе. Отчаявшись, он искал помощи на самом дне этого мира. И хотя лицо демона все еще было скрыто под тенью капюшона, небожитель ощущал, как пристальный взгляд нервно блуждал по его лицу. Не отводя влажных и наполненных злобой глаз, походящей на огонь, что бушевал под водой и не хотел угасать, У Чан ровным голосом произнес:

— Неужели вы еще не поняли? — уголки его губ устремленно дернулись. — Этот низменный пес все вспомнил. Го Бай, все!

Услышав это, демон тихо произнес: «Что?» — и сразу же пал перед столиком.

Они смотрели друг на друга в мертвой тишине, пока молодой господин, питавший надежду, что не ошибся, не придвинулся и не раздался металлический щелчок. Его рука, что мучила все это время иглу, покрылась кровью, но повергла соперницу. Кусочек металла вонзился в кожу и пустил своему мучителю кровь. Го Бай схватился за раненую руку небожителя и дрожащими пальцами принялся вытаскивать из нее обломки.

— Не переживайте, этому господину совсем не больно, — произнес У Чан, перехватив ладонь, что его касалась.

Он снова изменился в лице: теперь перед демоном сидел молодой господин, неуверенный в себе и своих действиях, что дрожал от прикосновений, как лист на ветру. Его большие холодные руки прикоснулись к скрывающемуся за тенью капюшона лицу и аккуратно стянули ткань с головы, освободив от мрака светло-каштановые волосы и серые глаза. Демон тотчас почувствовал неприятный металлический запах свежей крови.

— Этот глупый больше никогда не упустит Го Бая!

Слова бога испугали мужчину. Он легким движением оттолкнул от себя небожителя, продолжая наблюдать за ним. Тот явно был не в себе, его переполняли противоречивые эмоции: минуту назад он гневно стучал по столу, требуя его выслушать, а теперь весь его вид говорил о том, что он вот-вот впадет в отчаяние.

— Почему же вы сбежали?! — гнев вновь охватил небожителя, но его темные глаза уже наполнила влага.

Го Бай промолчал. Стараясь всеми силами сохранить хладнокровие и ясность рассудка, он на одном дыхании поинтересовался:

— Что ты сделал?

Неизвестность повисла в воздухе. Судьба Небес действительно зависела от этого неблагодарного пса и его умений проглатывать обиды. Палящая злоба и силуэт мужчины напротив отразились в глазах небожителя, когда тот поднял взор.

— Вы не ответили... — Он приложил большие усилия, чтобы сказать это. Та печаль, что мимолетно врывалась в диалоги, взяла свое, и он, поджав губы, молча принял свою участь.

Не скрывая скорби, У Чан потянул было ладонь к Го Баю, но вдруг отступил. Слезы, как большие жемчужины, покатались по его щекам и со стуком ударились об стол. Изящные, приятные глазу черты лица обрели бóльшую невинную красоту: подрагивающие и длинные, как перья, ресницы смахивали капли, прямые брови сомкнулись на лбу, кожа цвета белого нефрита позорно загорелась, а кадык в попытке сдержать всхлип заходил ходуном. Даже вылитая из бронзы фигура не смогла бы удержаться и разрыдалась бы при виде этой картины.

Печаль бога полоснула демона ножом по сердцу. Обойдя столик, он встал рядом с небожителем и аккуратно смахнул каждую каплю влаги своими тонкими пальцами.

— Учителю правда больше не нужен этот негодный? — хрипло спросил небожитель сквозь дрожащие губы.

Рука демона замерла, а после уверенно прикоснулась к волосам.

— Бедный, несчастный У Чан, не стоит идти по наитию своих мыслей. С юных лет твоим пороком было выдумывать лишнее и верить в это всем сердцем.

Испуганный собственными мыслями, У Чан вцепился в края одежды на груди демона и молча положил голову ему на грудь. Его обняли теплые руки, прижали поближе, и дыхание Го Бая начало медленно проникать в серебряные волосы, а сам небожитель услышал знакомый аромат льна и свежесть после дождя, доносящийся от мантии. Над его ухом прозвучал мягкий голос:

— Учитель не сбегал... И точно не жалеет, что когда-то принял наследника в ученики.

— Но тогда почему, — раздался голос в груди демона, — почему оставили меня? Ко мне вернулись воспоминания прошлой жизни, я думал, что не вынесу всего этого... Известие о вашей гибели уничтожило меня. Из-за меня вы вновь пострадали, я это знаю. Но вы же могли оставить знак... Зачем вы так жестоко поступили со мной?

Го Бай крепко обвил руками спину бога, вложив в это объятие все силы и всю боль, что была на душе.

— Если ты все помнишь, почему ты спрашиваешь меня об этом? Зачем заставляешь меня вновь вспоминать те страшные моменты? Никому из старых богов нельзя знать, кем ты был в прошлой жизни. — Го Бай замялся и резко сменил тему: — Поэтому тебе не стоило меня искать, ты не должен повторять мои ошибки.

Демон приподнял голову небожителя и коснулся губами его лба, прямо того места, где стояла печать бессмертных.

— Тебе нельзя раскрывать себя, для всех ты избранник Небес — У Тяньбао, наследник клана У, сын сильнейшего военнo-командующего Севера. Если бессмертные чиновники узнают, что ты, демон Душ — Мокуан¹ — в прошлом, смог переродиться и вознестись, они и правда заберут тебя на дно бездны вместе с собой. Старые боги еще не готовы взглянуть правде в глаза.

— Го Бай, — названный столькими титулами вжался в грудь демона сильнее, — почему я раньше ничего не вспомнил? Вы были так близко, а я... В этой жизни я растерзал свою душу вопросами на множество осколков. Теперь же, когда все открылось, а мои догадки обрели глупый и жалкий вид, вы просите меня подождать? Быть вашим сторонним наблюдателем, учитель, неподъемная ноша. Признаю, я слаб перед вами. И лучше подставить спину под удар за вас, чем...

— У Чан! — осадил демон небожителя. — Это... мой выбор.

Небожитель резко замолчал. Руки демона вновь приподняли его голову, открыв мокрое от слез лицо, и плачущий бог узрел: мужчина, что нежно пытался его предостеречь, также был в сомнениях, его сжатые губы и трепещущие ресницы говорили лишь об одном: «Не делай этого!»

— Учитель...

¹ Прозвище Мокуан: мо [魔] — «злой дух, демон»; куан [狂] — «сумасшедший, помешанный».

ГЛАВА 1

НА ГОРЕ МИРА СМЕРТНЫХ

На юге и севере, на западе и востоке проживало бесчисленное количество народностей. Повсюду царил смута из-за нетерпимости людей друг к другу, но одному достопочтенному такое положение дел было не по душе. Как чиновник, контролирующий уже большую часть Поднебесной, он понимал, что так больше продолжаться не может, и вызвался прекратить войны. Народу понравилось его стремление и были близки его взгляды. Их восхитило, как будущий правитель гармонично находил применение способностям людей в соответствии с их качествами и талантами. Судьба наградила его мудростью и благосклонностью. «Только объединение приведет нас ко всеобщему господству. Мы научимся терпимости, а первобытную жажду направим на развитие экономики и искусства и защиту от чужеземцев». Так наступила эпоха мира и процветания. Все небожители благоволили такому прави-

телю, целые семьи со всех сторон света шли в столицу, чтобы поспособствовать всеобщему процветанию.

При дворце его величества служило множество чиновников: кто с севера, кто с юга. Наблюдая лично, к каким высотам этот достопочтенный привел их, они перестали думать о ненависти и распрях. Живущих в достатке и образованных становилось больше с каждым годом, территории расширялись. Но случилась беда — Сын Неба¹ ослаб здоровьем. Стоило этой новости получить большую огласку, как власть в его руках треснула, словно глиняное блюдо от сильного жара. Появились мятежники, каждый из которых видел себя новым правителем. Пришли чужеземцы, которые не признавали его императорское величество и никогда не хотели иметь с ним дел. Поднебесную снова охватила смуга.

За годы кровопролитной войны народы вновь поделились: вначале на десять правящих кланов, потом их стало шесть, еще позже — четыре. На последней отметке мир среди противоборствующих сторон, казалось бы, возобновился. Клан У правил северной частью Поднебесной, семейство Ба контролировало южную, Чжао — западную, а Луань — восточную. Некоторые главы кланов тревожились, что появятся новые жертвы, как только они окрестят территории своих владений независимым государством. Поэтому славных названий своим землям и девизов правления² не давали. Другие надеялись на восстановление единства и прежнюю жизнь, вспоминая эпоху процветания при павшем императоре. Поэтому территории, так и не провозглашенные государствами, стали именоваться согласно сторонам света: Север, Юг, Запад и Восток.

С течением времени семьи достопочтенных Ба и Чжао что-то рассорило. Никто доподлинно не знает, с чего начался их конфликт, и по итогу земли Юга и Запада были объеди-

¹ Сын Неба — один из титулов правителей, император.

² Девиз правления — символическое выражение, обозначающее период правления государя или императора.

нены, а во главе нового образования встал клан Ба. В Поднебесной осталось только три сильнейших народа.

Однако войны утихли, а опасность для людей осталась. Демоны. Смерти и вражда породили множество темных существ помимо тех, что уже имелись. Из-за бурлящей скверной энергии среди окропленных кровью земель грань между миром демонов и миром людей совсем истончилась, а нечистая сила стала все чаще врывать в Поднебесную. Только мудрейшие из живущих среди облаков и мягких лучей солнца бессмертных были в силах дать им отпор.

Сколько лет Поднебесной, столько и небесному чертогу. Расположившись в пантеоне, стоящем на невидимых для смертного глаза столбах, боги без продыху ведут свои дела: оберегают людей и отзываются на их молитвы. Взамен смертные возводят в их честь множество храмов, кумирен и алтарей, зажигают благовония и делают подношения, тем самым прославляя и укрепляя могущество своих покровителей.

Небожители прикладывают массу усилий, чтобы сдерживать демонов, и тем не менее нечисти среди людей с каждым годом становится только больше. Первобытные повадки темных существ, как у диких голодных зверей, сменились холодным и расчетливым умом. Теперь обманутые люди сами идут в лапы злых духов, а восседающие наверху печалются: как им спасти смертных, если те сами решили прыгнуть в клыкастую пасть? Забот у богов стало в разы больше.

Стараясь вернуть все на свои места, покровители мира смертных погрузились в постоянную борьбу, и это только сильнее разозлило противоборствующую сторону. Тигр возжелал допрыгнуть до верхов, в которых прячется дракон. Демоны нашли способ ударить по гордости небожителей самым низменным способом: люди стали называть нечестивцев темными богами, чем закрепили и их могущество в Поднебесной. Отныне благовония могут гореть, а подношения делаться не только для живущих среди облаков и лучей солнца.

Соблазнившись возможностью получить лучшую жизнь, люди заключали разного рода сделки с нечестивцами, тем

самым усилив одну из сторон в и так непростой схватке света и тьмы. Люди не смыслили, как злостно будут обмануты, поскольку после темные боги назначили цену за свою помощь, которую ни один смертный не в силах был заплатить. Их многочисленные души канули в небытие. И те, кто связывался с демонами, сами лишали себя шанса на перерождение — новую жизнь после смерти.

Охваченные страхом содеянного, все они, как дети после проступка, пришли к бессмертным праотцам и взмолились. Каждая молитва, дошедшая до небесного чертога, желает быть услышанной, но теперь просьб смертных стало в разы больше, чем тех, кто их может исполнить. Да еще и люди усложнили службу верховным благодетелям, молясь обо всем подряд: от спасения собственной жизни до дарования крепкого сна своему скоту. Подобное происходит уже не в первый раз, оттого в их мире рождаются новые боги, избранные Небесами, которые должны преодолеть тернистый путь к вознесению: только выказав должное уважение к небесным покровителям благочестивыми поступками и сделав из своего тела крепкий сосуд для бессмертной жизни, они смогут вознестись. Так, в эти нелегкие времена разлада между народами знак о том, что появится новый будущий бог, прогремел целых девять раз.

Одним из девяти избранников стал мальчик с глазами черными, как вулканическая сажа, и волосами серыми, как пепел. Рожденный наследником в клане, что контролирует Север, он также стал предзнаменованием величия правящего здесь господина. Среди гор и рек, раскинувшихся на тысячи ли¹, северный народ праздновал целый месяц это счастливое событие. Стабильность и процветание не покидают их земли, ремесло по металлу и земледелие вызывают восхищение среди жителей соседствующих территорий, и все это благодаря достопочтенному главе клана — отцу новоиспеченного будущего бога.

¹ Ли — единица измерения, равная 500 м.

Пороги в поместье семейства У стерлись от частых гостей. Чиновники, ученые мужи, монахи и даже тайновидцы — каждый желал взглянуть на младенца и предсказать, как именно он сможет послужить своему народу. Вместо игрушек в неокрепшие ручки младенца пытались подсунуть рукоять меча¹, таким образом показывая, что он может стать великим богом войны; метелку из конского волоса — символ нравственности и морали будущего бога благополучия; кисть из бамбука и мягкой шерсти, деньги и карту северных земель Поднебесной. Но ничего из этого не вызывало у наследника особого интереса. То ли испугавшись нахлынувшей толпы, то ли противясь упорству прилипал, он лишь плакал.

Непокладистый характер начал проявляться уже с первых дней его появления на свет. Люди сочли, что так благодетель выказывает свое рвение. Родные же терялись в догадках, чего ребенку не хватает. Поэтому отец семейства, поразмыслив, дал имя своему наследнику уже на второй день. Постоянный плач сына напоминал главе вой горного волка, а созвездие-хранитель Гоу, под которым тот родился, благоволило дать ребенку созвучное имя. Поэтому отец выбрал имя Чан, имеющее еще одно значение в северном диалекте — «волчонок».

Наследник быстро оправдал данное ему имя. Только встав на ноги, он принялся всем досаждать, бегая по имению клана в компании местных волков. Никто не мог повлиять на сорванца, даже родная мать, а народ лишь охал.

Местные слуги и завистливые люди стали болтать между собой о наследнике, когда тот подрос. Кто-то считал его сверхизбалованным матерью, что в одиночку пыталась воспитать отбившегося от рук «волчонка», пока отец семейства и по совместительству глава клана путешествовал по своим владе-

¹ Старая традиция, подсказывающая взрослым то, в чем ребенок преуспеет. В рамках этого обычая малышу в первый год рождения предлагают выбрать одну из вещей, каждая из которых представляет разные профессии и сферы жизни.

ниям, помогая народу. Кто-то говорил, что мать-то и не любила сына, который был лишь предлогом женить на себе главу клана. В прошлом она была дочерью богатого землевладельца, но его власть и богатство рассеялись по ветру с окончанием войн. И все ее приближенные действительно отмечали, что женщина не уделяет сыну должного внимания. Вдобавок слишком рано госпожа начала требовать от ребенка ответственности и благоразумия, когда тот всего лишь нуждался в материнской любви и ласке.

Женщина эта была горда и своенравна. Помимо того что никому в близком кругу не позволялось вспоминать о ее бременном прошлом, она также была не в силах стерпеть проявления неуважения. Так однажды случился поучительный для всех инцидент. Во время шумного народного гулянья в Праздник весны¹ улыбчивая госпожа схватила в руки хлыст из местной конюшни, и стены поместья наполнились криками невежественных слуг. Простое приспособление для управления лошадьми стало коварным оружием в руках обиженной дамы. Госпожа У с остервенением порола грубиянов по спинам, разрубая их кожу тонким кончиком прута и заставляя слезно молить о прощении. Оттого ее начали бояться все при дворе семейства и даже перестали смотреть ей вслед.

Возлагая на себя с каждым днем новые обязанности по управлению кланом на время отсутствия главы, женщина еще больше отдалялась от сына. А он то и дело нарушал ее спокойствие новыми выходками. Местные постоянно жаловались: то один из богатых господ придет плакаться, что наследник клана со сворой своих домашних псов терроризировал его домочадцев и нанес непоправимый вред, испортив прекрасную старую яблоню, то местная дама пожалует с вестями о треснувшей крыше павильона, по которой бегал малец, то родители одной из семей расскажут, как их дети стали жертвой нападок

¹ Праздник весны, который также известен как Новый год, отмечается на второе новолуние после зимнего солнцестояния.

шкодника... И от всех этих новостей голова бедной госпожи болела круглыми сутками. Ситуация требовала решительных мер: ребенок нуждался в воспитании и наставнике, что будет приглядывать за будущим небожителем.

Так в один из холодных осенних дней в поместье клана У явился мужчина, отозвавшийся на просьбу госпожи. Все на горе Хэншань¹ и в городе у ее подножия несказанно обрадовались этому господину. Наконец-то к ним вернется покой, а маленький «волчонок» возьмется за ум! Однако, увидев учителя наследника, местные жители засомневались: разве может такой молодой и миловидный мужчина воспитать из пятилетнего сорванца воина и благочестивого бога? Вдобавок ни о подвигах прибывшего с Юга, ни о его мастерстве никто не слышал, из-за чего в сердцах людей зародилось опасение: назвавший себя Го Бохай — проходимец, который обманом убедил госпожу в своих способностях.

На вид будущий наставник был слаб и хрупок: его тонкое телосложение, нежные черты лица и руки, будто бы никогда не державшие оружия, говорили, что он больше походил на духовного воспитателя, чтеца высокой литературы, нежели на того, кто может усмирить пылкий характер ребенка. Однако взмахом меча этот человек поражал ветер и сердца людей². Все с огромным интересом следили за ним, ожидая его наставнического провала. А господам из знатных домов это показалось занятным: никто не верил в господина Го и его способности, каждый считал, что мужчина вот-вот сойдет с горы с полным разочарованием в мальчике. Но из года в год наследник делал все новые успехи.

Госпожа У словно точно знала, кого выбрала на роль наставника. Го Бохай начал оправдывать ее ожидания

¹ Хэншань [衡山] — гора Равновесия (одна из пяти священных гор даосизма).

² Отсылка к китайской идиоме «взмахом топора поражать ветер», которая подчеркивает выдающиеся способности или умения человека мастерски делать что-либо.

в первые же дни пребывания в поместье. При всем своем незначительном виде он сразу же нашел подход к мальчику — через игры, что так забавляли ребенка, — и признание вожака волчьей стаи, который опекал «волчонка» с самого его рождения.

Даже первая встреча У Чана и Го Бохая указывала на будущий успех. Тогда, только узнав о прибытии наставника, юнец, сопровождаемый слугами, ворвался в приемный зал южного крыла поместья. Он так спешил утолить свой детский интерес, что серебряные волосы растрепались, а грудь вздымалась от сбившегося дыхания. Несколько слуг кинулись привести мальчика в приличный вид под грозным взором госпожи. Господин Го уже поднялся, чтобы поприветствовать наследника, как все услышали:

— Мастер?

Окружение охнуло от неожиданности. Все присутствующие, даже мать, предвидели категоричный отказ со стороны У Чана. Ведь всё, что бы ему ни предлагалось, он тут же отвергал. Го Бохай с улыбкой ответил, заведя руки за спину¹:

— Наставник.

В зале воцарилось гнетущее молчание. Множество взоров были направлены на нахмурившегося наследника:

— Учитель?!

Никто из наблюдавших не понимал, что происходит. Но зато резко почувствовали спиной холод из-за осознания: от ответа мужчины зависит будущее настроение наследника. Если ответ ему не понравится, то будет сложно заставить мальчика уважать этого господина. Го Бохай склонил голову набок, словно признавая поражение, и мягко протянул:

— Учитель.

Будучи добрым и внимательным, Го Бохай добился желаемого. И всего через тридцать лун после его прибытия забот у госпожи поуявились.

¹ Поза с заведенными за спину руками является жестом уважения к собеседнику.

— Зачитай переписанное из книги «Демоны и тьма», том второй...

— Во тьме скрываясь под луной, ты неожиданно встречаешь темный облик мой. Мой взор проникнет в глубь души, теперь ты мой — смотри, кричи...

Юноша четырнадцати лет, стоя перед наставником в центре зала знаний, зачитал пару предложений из другой маленькой книги «Стихи, посвященные тьме» и, не скрывая ухмылки, присел на свое место. Услышав эти строки, Го Бохай поперхнулся.

— У Чан! — возмутился он. — Книга «Демоны и тьма», а не фольклор местных горожан!

— Извините, учитель. — Хотя У Чан опустил голову, в его глазах все еще сверкали искорки лукавства. — Но те исторические повести, которые вы заставляете меня читать, точно погубят меня, если я не буду отвлекаться на что-то другое.

Уже с рассветом наставник и его воспитанник усердно изучали множество записей о бессмертных верхних и нижних миров — богах и демонах. Уединенный павильон, в котором находились лишь двое, располагался прямо у богатого сада имени клана. За узорчатыми деревянными окнами открывался трогательный вид благоухающих деревьев, а ветер доносил запахи распустившихся цветков груши и яблони. Но это все, что могло порадовать взор и сердце У Чана. Внутри и снаружи большое здание было окутано строгостью: возвели этот зал знаний по личному указу главы клана, а он не приемлет излишеств как в интерьере, так и в проявлении эмоций.

Обучение наследника продолжалось до тех пор, пока юный господин не завоюет от скуки или вовсе не уснет за очередной книгой, написанной таким сложным языком, что даже Го Бохай иногда пугался в мыслях, изучая ее. Страдания У Чана не заканчивались только чтением, наставник требовал изложить суть прочитанного на бумаге не менее чем в тысяче слов, а после повторить все выученные техники владения мечом.

Держать тяжелый северный клинок и правильно им замахиваться — целое искусство, поэтому Го Бохай и сам нередко путался в тонкостях. Но пока что для юного возраста У Чана хватало и основ, которые наставник некогда сам долгое время изучал.

— У Чан, — выдохнув, заговорил Го Бохай, — не нужно отвлекаться на то, что пишут ничего не смыслящие. Столкнувшийся один раз с настоящим обликом демона человек не осмелится писать о нем в таком ключе...

Сидя напротив ученика и разгоняя рукой горячий пар, исходивший от чая, Го Бохай призадумался — вдруг ему что-то вспомнилось. Мужчина частенько проваливался в раздумья перед тем, как заинтересовать воспитанника своей мыслью. Поднося пиалу к губам, он непринужденно произнес:

— Если бы ты не терял время, выделенное на изучение трактатов и важных для твоего обучения книг, что я подобрал, ты бы уже давно дошел до демона Душ.

— А что с ним? — с интересом облокотился на стол У Чан.

— Считается, что он на сегодняшний день самый сильный в мире демонов. Он контролирует самое большое количество душ, и, если мне не изменяет память, никто не знает, как противостоять ему.

Го Бохай не желал так рано затрагивать эту тему. Но ситуация вынуждала его пожертвовать чем-то, чтобы вернуть интерес наследника к обучению. Можно считать, что он, как и всегда, победил, ведь только услышав его слова, юноша просиял. Откинув в сторону книжку — сборник стихов, который только что зачитывал, — У Чан принялся сосредоточенно перелистывать страницы «Демонов и тьмы». Шелест старого тома отразился эхом в просторном, почти пустом зале.

Го Бохай знал практически обо всех увлечениях юного господина. Будучи ребенком, он донимал уличных котиков, которые на дух не переносили его; вскарабкивался на высокие деревья и крыши, лишь бы доказать сверстникам свою смелость; повсюду прятал бумажные хлопушки для прислуги, которая косо на него смотрела, а после принялся из засады

бросаться желудями в обидчиков, когда возраст позволил осознать, о чем именно те сплетничают. Теперь эта старая книга. Вот только наставнику было неясно, как она могла попасть в руки наследника. До этого У Чан проявлял интерес только к тем материалам, которые ему давал Го Бохай.

«Люди посвящают стихи демонам? Не думал, что такие дни действительно могут настать... Чем же тогда занят небесный пантеон?» — подумал Го Бохай и, измеряя шагами зал, принялся листать сборник.

*Море тьмы захлестнуло дивный цветок,
Вино хорошо, но всему есть свой срок.
И спокойная вечность сквозь пальцы течет,
Но душа так и рвется меж строк...*

Мягкая улыбка Го Бохая пропала, лицо скривилось от омерзения. Душа смертного поистине считалась бесценным даром. Утратив ее навсегда, любой становится бездушной куклой в руках тьмы.

«Сладкий вкус твоих губ, грязный запах любви, я...»

В комнате раздался резкий хлопок — Го Бохай яростно закрыл книгу, сжав ее в руках до побелевших костяшек пальцев. Лицо посерело от прочитанного.

«Возмутительно! — выругался он про себя. — Грязь! Как поэзия так резко сменила направление?»

От прочитанных строк обычно невозмутимый Го Бохай ощутил палящий жар, такой, как если бы сейчас находился на горячих источниках и клубы пара окутывали все его тело. Душа ухнула на самое дно, а по плечам словно забегали мелкие насекомые. Го Бохай даже не желал поразмыслить, о ком та поэма или к чему она ведет.

— Учитель меня обманул! — раздался голос из-за спины наставника. — Здесь и слова не говорится о демоне Душ.

— Разве? — Го Бохай обернулся, столкнувшись с хмурым видом на еще совсем юном лице. Заглянув в книгу, он нарочито расстроено заметил: — Действительно, это же второй том, а демон Душ в третьем...

— Опять лжете?!

— Нет-нет... Учитель просто староват, его память подводит...

У Чан отвернулся, скрестив руки на груди:

— Этот ученик больше не верит словам учителя...

— Но разве я когда-то тебя обманывал? — слегка усмехаясь, склонил голову Го Бохай так, чтобы увидеть выражение лица ученика. Юный господин, заметив теплый взгляд наставника, не смог удержаться от ответа:

— Н-нет... — а после отстранился и добавил: — Но ведь вы говорите, что вы старый, и это уже звучит как обман.

— Тогда больше не буду так говорить. И обещаю, что завтра мы возьмемся изучать третий том.

Стирая недавно прочитанный стих из памяти, Го Бохай погладил наследника по серебряным волосам. Рука прошла от макушки до небрежного пучка, переходившего в длинный хвост, и, опустившись к шее, слегка ущипнула за ухом.

— Ха-ха-ха, — залился смехом У Чан. — Хорошо, хорошо, только перестаньте!

Так уж сложилось, что под любым предлогом Го Бохай старался рассмешить ученика. Ни одна вещь в этом мире не могла сравниться со звонким, заразительным смехом У Чана, что растекался и проникал в глубь души наставника.

Наследник покатился по полу в попытках увернуться от тонких щекочущих пальцев. Влево, вправо — он переваливался из стороны в сторону, но словно умышленно подставлял свои бока, заливаясь большим смехом и слезами от приятных пыток.

— У Чан! — раздался грозный голос за стенами зала знаний.

Госпожа У прошла неподалеку, поднимая на уши всех. В комнату, нарушив царившую идиллию, ворвалась одна из служанок и попыталась объяснить. Запинаясь, она кланялась и вновь повторяла одну и ту же фразу хрипловатым голосом:

— М-молодой господин, госпожа ищет вас...

Го Бохай перевел взгляд на воспитанника. Предположение, что тот мог вновь подшутить над кем-то, кто ему не понра-

вился, было самым логичным и простым. Го Бохай обратился к У Чану:

— Случилось что-то, о чем я не знаю? Помнится, ты обещал...

— Обещал. Если бы что-то было, сразу сказал бы вам, вы же знаете!

Фигура в дверях сотряслась от ужаса и прижала руки к груди, услышав голос госпожи:

— Быстро его ко мне!

— Прошу, господин... — прошептала служанка.

У Чан решительно поднялся на ноги и, одарив наставника уважительным поклоном, выбежал из зала знаний. Госпожа У редко поднимала такой шум, зачастую только из-за выходок сына, и Го Бохай об этом знал... Весь тот неприятный разговор, предстоящий наследнику, коснется и его — оставалось только ожидать приглашения. Чтобы хоть как-то избавиться от тяжелых мыслей, он принялся убирать книги, разбросанные У Чаном вокруг столика, но тут за его спиной раздался неуверенный голос:

— Господин, извините эту служанку... Но госпожа требовала привести и вас тоже...

天狗

ГЛАВА 2

НЕПРИЯТНОСТИ ОТ ЮНОГО ГОСПОДИНА

Высокие стены из сандалового дерева¹. Фигурные оконные створки, через которые ветер заглядывал внутрь и покачивал широкое панно с символом зверя за узкими женскими плечами. Госпожа бросила гневный взгляд сначала на сына, а после на пустующее место в центре приемного зала. Как всегда, глава клана отсутствовал, и уже второй месяц от него не было никаких известий. Никто не знал, когда отец семейства вернется из важной поездки на Юг. И тем не менее на его стол всегда ставили свежие фрукты, которыми он мог перекусить, если неожиданно придет поздней ночью.

Гнев госпожи У не унимался, и она нарочито громко постукивала ногтями по столу. Напротив нее расположились наставник и его воспитанник, которые,

¹ Сандаловое дерево имеет насыщенный красный цвет древесины.

смирившись с ситуацией, молча склонили головы. Кто знает, что может прийти ей на ум: за дни и ночи, проведенные в одиночестве, женское сердце охладело и превратилось в камень.

Минуты молчания под перестук прелестных пальцев тянулись неумолимо медленно. Наконец, не выдержав гнетущей атмосферы, У Чан промолвил:

— Ма... матушка государыня...¹

— Молчи! Пока я не решила, как тебя стоит наказать! Позоришь наше имя, наш клан, мало тебе показалось извиняться перед семейством Бань за испачканные сиденья на чайной церемонии, так ты в отместку решил натравить на их сына местных шарлатанов, что оставили бедного мальчика без кошелька!

Го Бохай вперил взор в У Чана, и тот, неожиданно залившись краской, отвернулся от пары серых глаз. Вопрос в голове наставника возник сам собой: «Снова сын семейства Бань?»

В раннем возрасте У Чан был довольно хулиганистым. Го Бохай мог лишь смиренно ждать, когда период становления характера ребенка завершится. Вдобавок наставник не мог сердчать на своего воспитанника, когда сам замечал завистливые насмешки со стороны господ и их детей. Сын начальника округа как раз был одним из таких. Отношения двух молодых людей не заладились почти сразу, и вспыльчивый нрав У Чана только усиливал эту взаимную неприязнь. Тем не менее его прошлые поступки можно обозначить как детские, лишённые жестокости шалости. Маловероятно, что он сделал бы то, в чем его обвиняют. Со всей серьезностью Го Бохай готов заявить — его ученик давно вырос, и госпожа У должна была это осознавать.

У Чан с растерянным видом уставился на пол.

— Уважаемый Бань отвечает за округ Цзыю², в состав которого входит множество городов, в том числе и столица! На Севере он третий по значимости господин! Уже позабыл, как

¹ Матушка государыня [母后] — формальное обращение наследников к главенствующей госпоже или маме.

² Цзыю [自由] — «свобода, свободный».

именно он может повлиять на твое будущее? Ты... — речь женщины стала прерывистой, — не дожидаясь вознесения, решил перечеркнуть свое будущее?!

Переживания хозяйки горы Хэншань были уместны. Даже ее последующего удара кулаком о стол не требовалось, чтобы оба, наставник и сын, осознали всю тяжесть возможного конфликта: семейство Бань считалось одним из самых влиятельных на Севере, к мнению его главы прислушивались многие, в том числе и старейшины, играющие немаловажную роль летописцев. Их главной заботой было время от времени наблюдать за достижениями будущих богов с самого их рождения. Доверяя достопочтенному господину Бань Хэню, они могли легко сделать не самую приятную заметку о любом, на кого тот укажет.

Приподнявшись, У Чан как бы в ответ матери стукнул по столу.

— И что же теперь, винить меня по любому поводу?! Даже если я не виновен?

За те годы, которые У Чан провел подле наставника, госпожа очерствела и охладела к своей плоти и крови настолько, что верила любому слову извне, но не сыну. Можно было подумать, что для матери он стал источником всех ее прошлых и будущих неудач. У Чану ничего не оставалось, кроме как отбиваться от ее обвинений, не дожидаясь и намека на снисхождение. Вечно раздраженный от всего, что бы она ни сказала, со сведенными к переносице бровями и плотно сжатыми губами — таким он был с рождения, таким знала его госпожа. В летописях о небожителях, которые велись старейшинами, напротив имени юного господина У давно стоит заметка: «скверный характер». Госпожа У впала в замешательство.

— Невоспитанное дитя! Нужно еще и напомнить, какая ответственность возложена на твои плечи...

— Зачем повторяться? — У Чан темной тучей повис над столом. — Вы, матушка государыня, только и знаете, как обсудить мою ответственность перед народом... Позвольте закончить этот разговор.